

Когда суп был закончен, Е Тао снова набрал воды и, выбирая места, не покрытые бинтами, начал обтирать Чжоу Цзыцяня. Обычно это Чжоу Цзыцянь ухаживал за ним у больничной койки, но теперь их роли поменялись.

Как бы ни менялась ситуация, Сяо Чэн всё равно не мог помочь, и даже профессиональная сиделка, нанятая за большие деньги, оказалась не у дел. Оба они без лишних слов покинули палату и, оказавшись в гостиной, начали тихо болтать о пустяках. Когда дядюшка Чжоу и Лю Хэн вошли, они как раз щёлкали солёные семечки, принесённые Сяо Чэном, и обсуждали, в какой из закусовых на первом этаже лучше готовят.

Лю Хэн занимался внешними делами, и хотя в последние дни он был занят хлопотами из-за ранения босса, он не стал бы срывать на Сяо Чэне. Увидев, как тот поспешно прячет семечки, он даже хотел улыбнуться — этот пухлый парень, куда бы ни пошёл, всегда думал о еде, откармливая себя, как маленького поросёнка.

Дядюшка Чжоу был другим. Он занимался внутренними делами семьи Чжоу, и его день был заполнен мелкими хлопотами, в его глазах не было места праздным людям. После того как молодой хозяин попал в больницу, он разрывался между домом и больницей, и его старые кости уже устали от такой нагрузки. Лицо, которое обычно и так редко улыбалось, в последние дни было особенно мрачным. Если бы не было повода для выговора, он бы его нашёл, а тут Сяо Чэн сам напрадился. Управляющий тут же нахмурился и, недобрым тоном, спросил их:

— У вас есть хоть какое-то занятие? Если нет, найдите, а если не можете, я вам найду!

Оба праздных человека тут же нашли себе занятие, начав убирать столы и подметать пол, стараясь доказать, что они заняты делом.

— Опять началось, — пробормотал Е Тао. — Если ты пробудешь здесь ещё несколько дней, дядюшка Чжоу доведёт Сяо Чэна до истощения.

— Тогда я постараюсь выписаться поскорее. Его так долго откармливали, не хочу, чтобы он похудел.

Второй господин сдержал слово. Несмотря на то, что его изрубили, как цветущий персик, он выписался из больницы в тот же день, что и Коу Хуаймин, и они случайно столкнулись лицом к лицу.

Благодаря Е Тао, Коу Хуаймин ещё до попадания в тюрьму успел обрить голову, которая была обмотана белой марлей. Его руки, скованные наручниками, были прикрыты рваной курткой, а по бокам его сопровождали два молодых сотрудника полиции. Увидев Чжоу Цзыцяня и Е Тао, лицо Коу Хуаймина, до этого безучастное, исказилось ненавистью. Он, вырываясь из рук полицейских, с налитыми кровью глазами прокричал:

— Чжоу, ты умрёшь страшной смертью! Ты получишь по заслугам!

Чжоу Цзыцянь не произнёс ни слова, глядя на Коу Хуаймина, который, как загнанный зверь, вырывался и кричал, он лишь слегка улыбнулся. Улыбка была едва заметной, в его тёмных глазах не было ни высокомерия, ни злорадства, но она вызывала странное чувство дискомфорта. Позже Е Тао понял, откуда взялось это чувство — он смотрел на Коу Хуаймина, как на мёртвого.

Когда Е Тао понял это, Коу Хуаймин уже покончил с собой в камере предварительного заключения. Полиция даже не успела отправить его обратно для суда.

Е Тао спросил Чжоу Цзыцяня, не он ли это сделал. Чжоу Цзыцянь покачал головой, сказав, что Коу Хуаймин, когда шёл убивать его, уже не хотел жить. Если бы ему удалось убить, он бы умер с миром, если бы не удалось — сгорел бы от ненависти. В любом случае, он был обречён, и ему не нужно было помогать.

Чжоу Цзыцянь сказал это, и Е Тао поверил. Хотя Е Тао знал, что этот мужчина не был добрым или милосердным, он всё равно не хотел думать о нём слишком плохо. В конце концов, в момент, когда речь шла о жизни и смерти, он думал и говорил только одно: «Не обращай на меня внимания, беги!»

Вечером, в день выписки Чжоу Цзыцяня, позвонил Чжоу-старший. Новость о ранении сына до этого скрывали от него, и старик узнал о случившемся только сегодня.

Когда отец и сын разговаривали по телефону, Е Тао был рядом, и он услышал, как Чжоу-старший одним вопросом «Всё в порядке?» проявил заботу о сыне, который даже не мог держать телефон. После того как Чжоу Цзыцянь ответил, что всё в порядке, старик не произнёс больше ни одного тёплого слова, лишь осыпал его упрёками, обвиняя в неосторожности, которая привела к такой беде и чуть не погубила других.

Учитывая характер Чжоу-старшего, это было нормально — он не привык выражать заботу словами. Кроме того, дядюшка Чжоу уже подробно рассказал ему о случившемся, так что не было необходимости снова всё выяснять. Возможно, упрёки были формой заботы.

Е Тао так размышлял, но никак не мог уловить в упрёках скрытую заботу. В словах и тоне Чжоу-старшего были только обвинения и недовольство, как будто перед ним был не его сын, а подчинённый, допустивший ошибку.

Чжоу Цзыцянь не оправдывался, от начала и до конца разговора его лицо оставалось спокойным, привычным.

Заметив, что Е Тао смотрит на него задумчиво, Чжоу Цзыцянь, который хотел обнять его и потереть, улыбнулся:

— Иди сюда, дай мне укусить тебя за ухо.

У второго господина была странная привычка — он любил мять мочки ушей. Конечно, этот «кто-то» в настоящее время был только Е Тао.

Е Тао действительно подошёл, но не для того, чтобы дать ему мучить свои уши, а чтобы погладить его по щеке и с лёгким вздохом пробормотать:

— Как ни странно, мне кажется, что ты, этот негодяй, немного жалок.

Дни выздоровления проходили в тишине, двое жили в вилле на берегу озера Диких Уток, в сопровождении только двух телохранителей и кота. Уборку и готовку выполняли приходящие работники. Поскольку Чжоу Цзыцянь нуждался в покое, телохранители заходили в дом только для еды и сна, а всё остальное время проводили снаружи, ловя рыбу и наблюдая за водоплавающими птицами.

Баобао часто приходил поиграть с ними, потому что в вилле больше никто не обращал на него внимания. С тех пор как его дядя получил ранение, его дядя Е Тао стал принадлежать только дяде Чжоу, забота о котором полностью легла на плечи Е Тао. Даже когда Лю Хэн приносил документы для подписи, Е Тао должен был помогать переворачивать страницы и ставить

печати. Одним словом: он открыто прилип к нему.

После обеда Баобао грелся на солнце на берегу, рядом Ян Цзы и До Нин держали удочки, а между ними стояло ведро для рыбы. Это ведро было больше для вида — парни каждый день рыбачили, но так ничего и не поймали.

Баобао втайне смеялся над ними, сравнивая их с Цзян Тайгуном, который ловил рыбу на прямой крючок, когда вдруг появился Ань Чэнсюань. Не дав Ян Цзы и До Нину встать, он проехал мимо на своём шикарном кабриолете. Оба бросили удочки и побежали за ним, Баобао бежал быстрее, в душе ругая: «Даже если мои Ян Цзы и До Нин — это перерождение Цзян Тайгуна, они ловят Цзи Чана, а ты, этакая Су Дацзи, зачем приехал? Чтобы мой дядя Е Тао тебя наказал?»

Когда Ян Цзы поднялся на второй этаж, чтобы сообщить хозяевам о визите гостя, Е Тао как раз закончил мыть волосы Чжоу Цзыцяня. Чжоу Цзыцянь, с голым торсом и мокрыми чёрными волосами, без эмоций ответил:

— Понял.

После того как Ян Цзы вышел, он с лёгким вздохом спросил:

— Кто на этот раз указал ему дорогу?

Е Тао, казалось, ничего не чувствовал, с невозмутимым лицом вытирал его волосы, затем взял рубашку и помог ему одеться, застегнул пуговицы, поправил воротник и, казалось, удовлетворённо кивнул, спокойно сказав:

— Иди, Пикачу.

Второй господин, хоть и не имел идеального детства, всё же знал, кто такой Пикачу, поэтому его брови, которые он уже начал хмурить, тут же разгладились, а глаза засветились смехом, делая его ещё более привлекательным, чем Су Дацзи.

После скандала на свадьбе семей Чжоу и Ло, Чжоу Цзыцянь стал ещё более отстранённым по отношению к Ань Чэнсюаню. Ань Чэнсюань ненавидел Е Тао всей душой, но к Чжоу Цзыцяню относился так же, как и раньше, не изменившись. Его чувства к Чжоу Цзыцяню были сложными — это была смесь навязчивой, сильной любви и ненависти, рождённой от невозможности обладать. Эти чувства глубоко укоренились в его сердце, проникнув в самую его суть. Поэтому после той неприятной истории он сам пошёл на примирение, чтобы показать свою искренность, он даже подарил Чжоу Юньси на день рождения редкую древнюю нефритовую подвеску. К сожалению, на этот раз его смирение не получило привычного ответа. Чжоу Цзыцянь лишь из вежливости не вернул подарок, но в отношениях оставался холодным. Это только усилило ненависть Ань Чэнсюаня к Е Тао, и даже недовольство Чжоу Цзыцянем он перенёс на Е Тао.

Конечно, Ань Чэнсюань пришёл не для того, чтобы устраивать скандалы, он пришёл провести Чжоу Цзыцяня. Услышав о случившемся, он беспокоился, что это нападение повлияет на Чжоу Цзыцяня не только физически.